

Тот день

Что-то было *не так*. Я пока не могла понять, что именно, но в воздухе явно висело напряжение.

«Да, что-то стряслось», — подумала я, выходя из автобуса на остановке у старшей школы Джона Ф. Кеннеди. Все выглядело точно так, как и почти в любой другой день: красный кирпич, повсюду яркие вывески, ученики кучкуются на улице у главного входа. Моей школе уже больше века, так что в ней царит дух старого Нью-Йорка. Кажется, здесь никогда ничто не нарушает привычный порядок вещей.

И все же от заволакивающих небо туч не хватало воздуха в груди: они навевали чувство тревоги и... тоски. Практически удушающей тоски. Нью-Йорк никогда не спит, это город тысячи разных настроений. Но никогда раньше я не ощущала того, что происходило с ним сегодня.

— Давай, Хэдли, не стой в проходе.

Я быстро отошла в сторону, и из автобуса неторопливым шагом вышла моя лучшая подруга Тейлор Льюис.

С Тейлор мы встретились в первый день учебы в девятом классе: я в одиночестве бродила по коридорам в поисках нужных кабинетов. В тот момент она и решила взять меня под крыло, поскольку мы были одеты в одинаковые

футболки из American Apparel¹, и поделилась со мной всем, что уже успела узнать о порядках в новой школе. Без нее я бы совсем заблудилась — в коридорах школы, в разговорах и, что совершенно точно, на карте социальных связей. Спустя два года мы все еще были лучшими подругами, и мне все еще было вполне комфортно существовать в тени такой популярной девчонки, как она.

— Почему у тебя такое странное выражение лица? — спросила Тейлор, когда мы влились в поток людей у главного входа.

Я оторвала взгляд от группы учителей, тихо перешептывавшихся в коридоре напротив администрации, и хмуро глянула на Тейлор:

— Что значит странное?

Она закатила глаза и пихнула меня локтем.

— Ладно, забей. Ты готова к самостоятельной по государственному строю США? Я в половине случаев вообще не понимаю, о чем там говорит Монро, да и, господи, уверена, нам никогда в жизни не пригодятся знания о том, из скольких людей состоит кабинет президента, и я... Хэдли, ты меня слушаешь?

Мое внимание было приковано к двум полицейским в форме, разговаривавшим чуть дальше по коридору с нашей директрисой, мисс Грин. Судя по их напряженным, мрачным лицам, речь шла о чем-то крайне неприятном. Но что могло привести в нашу школу полицию?

— Прости, Тейлор, я просто... — у меня не получалось подобрать слова, чтобы описать свое состояние. — Не знаю, наверное, тоже из-за самостоятельной переживаю, вот и все.

¹ American Apparel — американский бренд одежды, делает акцент на экологичном и этичном производстве и проводит различные социальные кампании. (Прим. пер.)

Я принялась рыться в шкафчике в поисках учебника по химии, а Тейлор невесело усмехнулась.

— Ты-то чего волнуешься, Хэдли? Ты же единственная, кто умудряется не заснуть у Монро на уроках.

— Наверное, просто везет.

«А может, все дело в том, что мой папа — адвокат и он не переживет, если у меня будут плохие оценки по государственному строю», — подумала я.

Мы с Тейлор разошлись в разные стороны, я направилась к кабинету, и вдруг мне показалось, будто кто-то идет за мной по пятам и дышит в шею. Я плюхнулась за парту на первом ряду, постаралась дышать спокойно и размеренно, и у меня получалось — ровно до тех пор, пока не прозвенел звонок, а учительница так и не вошла в класс.

Миссис Андерсон, наша классная руководительница, преподавала у нас немецкий и была, пожалуй, самым приятным человеком, которого я встречала. Она почти всегда мычала какую-нибудь песенку себе под нос и одаривала улыбкой в тысячу ватт каждого, с кем даже просто пересекалась взглядом. У меня не хватало терпения на немецкий — я и два года испанского едва выдержала, — но с миссис Андерсон было весело, и это помогало высидеть классные часы, пусть они и начинались невыносимо рано.

Опоздание миссис Андерсон лишь усилило мою тревогу. Моя подруга Челси любила говорить, что классная, должно быть, ночует в школе, ведь ее всегда можно увидеть где-нибудь в коридорах с кружкой кофе и пончиком в руках. К тому же она не пропускала ни одного школьного мероприятия или матча. Так где же она теперь? Опоздания — совсем не в ее стиле.

Прошло больше пяти минут, прежде чем дверь открылась, и в кабинет вошла миссис Андерсон. На ее свитере было кофейное пятно, очки сидели на носу немного криво, она бросила на стол стопку папок и сказала:

— Извините, класс, прошу прощения, немного опоздала, кое-что... — она затихла и закусила губу, пытаясь оттереть пятно на свитере салфеткой. — Случилось кое-что... печальное.

В секундную паузу между ее словами мое сердце подпрыгнуло и начало беспокойно колотиться в груди. Я не могла знать, о чем «печальном» шла речь, но щемящее чувство внутри подсказывало: что бы это ни было, произошло нечто *плохое*.

Миссис Андерсон вздохнула, бросила салфетку в мусорное ведро и прислонилась к столу, скрестив руки на груди.

— Вчера один из учеников нашей школы совершил самоубийство.

Я откинулась на спинку стула и резко выдохнула, чувствуя, как воздух стремительно покидает легкие.

Что?

Я почувствовала неладное еще двадцать минут назад, когда вышла из автобуса. Но *такое?* Хотелось спросить, кто так внезапно решил прервать свою жизнь, но я вдруг обнаружила, что не могу заставить себя произнести хоть слово. Во рту было сухо, как в Сахаре, язык превратился в кусок наждачки.

— Кто это был? — спросил парень, сидящий несколькими рядами позади меня, после первых секунд напряженного молчания.

Миссис Андерсон теребила край своего свитера.

— Арчер Моралес.

Имя звучало... очень знакомо. Я слышала его раньше, но никак не могла вспомнить, как выглядел его обладатель.

«Погоди-ка, — прошептал тихий голосок в голове. — Английский в девятом».

Верно. Английский с миссис Кейси в девятом классе. Арчер Моралес — мальчик, с которым мы сидели за одной партой в первом семестре. Когда миссис Андерсон произнесла

имя, я вспомнила его не сразу, поскольку за весь тот год Арчер сказал мне не больше трех слов.

Откуда-то издалека доносились слова миссис Андерсон о том, что до конца недели можно в любое время подойти к школьным психологам и поговорить о произошедшем. Вскоре я совсем перестала разбирать сказанное и теперь усиленно пыталась вспомнить все, что мне было известно об Арчере Моралесе.

Он держался очень тихо и большую часть времени не поднимал головы: прилежно следил за текстом, который читали в классе. Единственная возможность как следует разглядеть его лицо выпала, когда нам задали ответить на несколько вопросов по «Франкенштейну».

Может, я легко бы забыла о парне, который почти всегда молчал, если бы он не оказался самым притягивающим внимание человеком, с которым мне доводилось иметь дело. Я теряла дар речи в ту же секунду, когда он смотрел на меня своими ореховыми глазами, которые, словно рентгеновскими лучами, просвечивали меня насквозь.

Теперь, вспоминая те уроки английского, я вдруг поняла, что намеренно сделала все, чтобы забыть о них — из-за раздраженного выражения, которое не сходило с привлекательного лица Арчера все то время, пока мы работали вместе. Какой девушке захочется вспоминать, как парень всем своим видом показывал, что очутился бы где угодно, лишь бы *не смотреть* на тебя?

Если подумать, таковым было отношение Арчера Моралеса ко всему. Здание школы Дж. Ф. Кеннеди достаточно большое, но иногда я видела Арчера в коридорах — высокий рост и взъерошенные темные волосы выделяли его из толпы, — однако он всегда был один, окружающие его сторонились.

Арчер Моралес был — теперь уже навсегда в прошедшем времени — одним из школьных изгоев. И вот его больше нет.

Я подскочила на стуле, когда звонок с первого урока затрезвонил под потолок, выдергивая меня из моих мыслей. Остальные уже поднялись из-за парт и двигались к выходу из кабинета, тихо переговариваясь между собой, не болтая и не смеясь, как это бывало обычно. После урока еще очевиднее ощущалось — общее настроение переменялось. Я добиралась до кабинета химии как во сне и все никак не могла свыкнуться с мыслью, что мой бывший одноклассник мертв.

Не то чтобы я хорошо знала Арчера Моралеса. Язык бы не повернулся назвать нас друзьями. Для меня он был совершенно чужим. Так почему мне кажется, что сердце вот-вот разорвется на куски?

К концу школьного дня, когда я вышла на улицу и направилась к школьному автобусу, похолодало. Прямо сейчас хотелось свернуться калачиком в кровати и забыть о том, что этот день вообще случился.

Я села одна на заднее сидение, прислонилась головой к стеклу и закрыла глаза с мыслью о том, как хорошо, что именно сегодня Тейлор сбежала с уроков на свидание с очередным ухажером. Другие девочки из компании не ездили на автобусе, так что у меня была возможность подумать в тишине. Покачивание в дороге успокаивало, как будто даже отвлекало немного от урагана мыслей, роящихся в голове. Жаль, поездка была недолгой.

Я подняла воротник пальто и скрестила руки на груди, шагая в сторону многоэтажки, в которой прожила почти всю свою жизнь. Жилой комплекс находился прямо на границе Верхнего Ист-Сайда и выглядел чуть пафоснее, чем другие здания в Манхэттене.

Я часто чувствовала себя одиноко, оставаясь одна дома из-за бешеного графика родителей, но сегодня была несказанно рада тому, что возвращаюсь в пустую квартиру. Никогда еще меня так не манили мягкая кровать и родной уют неприбранной комнаты.

— Добрый вечер, Хэдли, — поздоровался швейцар Хэнсон, когда я подошла к зданию из серого стекла. — В школе все хорошо?

Я на пару секунд задумалась, не рассказать ли Хэнсону о произошедшем. Он был хорошим человеком и всегда искренне интересовался, как прошел мой день. Но мне не хотелось произносить эти слова вслух, говорить, что мой одноклассник покончил с собой, потому что не хотелось верить, что это все взаправду.

— Прекрасно, — наконец ответила я, и он придержал мне дверь.

— Помню, каково было учиться в старшей школе, — сказал Хэнсон, когда я шагнула через порог. — Как только вырвешься оттуда, мир больше не будет казаться таким уж плохим местом.

Я не была уверена, что он прав, но, в любом случае, мило с его стороны, что он произнес эти слова.

Я пересекла мраморный холл с фонтаном, подошла к лифтам и поднялась на седьмой этаж. Прошла по богато украшенному коридору, достала из сумки ключи и открыла дверь в квартиру 7Е.

Мои родители никогда не отличались особой *скромностью*.

Наша квартира была обставлена ухоженной кожаной мебелью, выстлана кремовыми коврами, на стенах висели со вкусом подобранные фотографии городских пейзажей — в дополнение к окнам от пола до потолка в гостиной и столовой. Современнейшую кухню с хромированной техникой саму по себе можно было назвать произведением искусства.

Мама бывала здесь так редко, что удивительно, как у нее нашлось время на то, чтобы даже просто обустроить эту комнату.

Родители — адвокат и помощник финансового директора — постоянно пропадали на работе и, уезжая в командировки, спокойно оставляли меня дома одну на неделю или больше. В их отсутствие каждые день-два меня заходила провести восьмидесятисемилетняя соседка миссис Эллис, но это не совсем то же самое, что быть рядом с мамой или папой.

Знаю, мне невероятно повезло жить в таком месте и ни в чем не нуждаться, но, по правде говоря, из-за всего этого «богатства» мне было немного некомфортно, пусть другой жизни я почти и не знала. Родители не всегда зарабатывали космические суммы. Порой я скучала по скромному таунхаусу в Челси, в котором мы жили до того, как маму повысили, а папа открыл свою фирму. Тогда мы хотя бы проводили время всей семьей и каждый вечер собирались вместе за ужином.

Захлопнув за собой дверь в комнату и заперев ее на замок, я облегченно выдохнула.

Здесь мне всегда было хорошо. Гирлянды на балконном окне, пробковая доска над столом с прикрепленными к ней бродвейскими афишами и фотографиями Тейлор и нашей компании, полки с бесчисленными DVD и CD, которые я собирала много лет, — все это было для меня спасением от строгих кожаных диванов и профессиональных фотографий городских пейзажей из какой-то арт-галереи в Сохо¹, которые висели в гостиной.

Я предприняла вялую попытку выучить формулы по химии, но сдалась через пять минут, швырнула учебник в стену и рухнула лицом в кровать.

¹ Сохо — модный квартал в Манхэттене, Нью-Йорк, со множеством ресторанов, магазинов и арт-галерей. (*Прим. пер.*)

Было такое чувство, словно какая-то часть меня исчезла теперь, когда Арчер Моралес мертв и больше не ходит по этой земле. И от того мне невыносимо хотелось, чтобы он снова оказался здесь, пусть мы с ним и сказали друг другу всего пару слов за все время.

Почему-то у меня просто не получалось смириться с мыслью о том, что вчера он был где-то рядом, а теперь его нет... и это навсегда. К тому же я мало понимала смерть. В шесть лет меня взяли на похороны прабабушки Луизы, но то был единственный раз, когда я столкнулась со смертью человека, которого хоть немного знала лично. Однако в тот день мне было неуютно смотреть на ее тело в гробу, и теперь неприятно было думать, что где-то сейчас лежит холодное тело Арчера.

Зарывшись под одеяло, я уткнулась лицом в подушку и, наконец, разрыдалась.